

ПРОИСХОЖДЕНИЕ МАТЕРИИ-ЗЛА В ФИЛОСОФИИ ПЛОТИНА

Утверждение Плотина о том, что материя-зло – пусть не прямое, но все-таки порождение Единого, а не самостоятельный принцип, с самого начала вызвало недоумение и критику в его адрес. Причем Плотин не только допускает возможность Благу творить зло, но и настаивает на такой необходимости. Поэтому кажется неудивительным, что это учение не приняли такие знаменитые ученики и последователи Плотина, как Порфирий, Ямвлих и Прокл. В настоящей статье автор делает попытку реконструкции платиновского эманационного процесса, чтобы показать непротиворечивость и последовательность учения Плотина о происхождении материи-зла.

Ключевые слова: Единое, Благо, зло, материя, иное, другое, возвращение, необходимость.

В своей философии Плотин занимает строго монистическую позицию. Он выделяет следующие уровни реальности. *Единое* – находящееся выше бытия непостижимое начало всех вещей; *Ум* – подлинное бытие и умопостигаемая реальность; *Душа* – еще один элемент подлинной реальности, связующее звено между Умом и телесным миром, и *Космос*. Начало всех вещей таково, что «оно есть то, с чем всё связано и куда всё сущее стремится» (1,8 2 2–4)¹, а именно таково Благо – предел всех стремлений. Само же «оно ни в чем не имеет нужды, самодостаточно, и ничего не требует» (1,8 2 4–5), а значит, оно никак не зависит от порожденного сущего. Таким образом, в основе метафизической системы Плотина лежит учение о Едином – Благ² как абсолютном начале мира. Всё истинно сущее происходит из Единого, причем так, что следствия не отделены от своей причины, а причина не умаляется и не растворяется в своих следствиях: «Мир истинно сущего представляет как бы длинную цепь жизни, в

которой каждая предыдущая форма производит последующую, каждая последующая производится предыдущей, но так, что предыдущая не истощается в последующей и ее не поглощает, – так, что все они друг от друга отличны и в то же время составляют одно непрерывное целое» (V.2.1, 25–29, пер. В. Г. Малеванского) [Плотин, 1994. С. 29]. Этот же принцип непрерывности имеет место и в чувственном мире. В трактате IV.8 «О нисхождении душ в тела» в гл. 5 Плотин говорит, что все происходит из божественного начала, пусть и через много промежуточных ступеней, и что «сущие даже самого низшего уровня все же возводятся к Тому» (пер. М. А. Солоповой) [Плотин, 1996. С. 213].

Поэтому особенно удивительным кажется следующее утверждение Плотина, сделанное в позднем трактате I 8 (51) «О том, что такое зло и откуда оно», целиком посвященном проблеме зла: «Если существует не только Благо, то необходимо должно быть и последнее, [возникшее] благодаря

¹ Здесь и далее перевод мой (если не указан переводчик), выполнен по изданию: [Plotini opera..., 1951; 1959; 1973].

² Нужно отметить, что имена Единое и Благо апофатические, они выражают только отношения к Нему следствий, т. е. что Оно не многое и всеобщая цель.

исхождению от него, или, – если некто предпочитает говорить иначе, – благодаря вечному нисхождению и отпадению; после последнего уже ничего не может возникнуть, оно-то и есть зло» (I.8.7 17–20). Плотин будто бы игнорирует всю предыдущую платоническую традицию, утверждающую, что Бог не может творить зло. В этом же трактате Плотин объявляет злом как таковым – первую материю, бескачественный субстрат физического космоса. Чтобы понять позицию Плотина, попытаемся ответить на следующие вопросы. Во-первых, почему в системе Плотина первая материя оказывается лишённостью бытия и блага и тем самым отождествляется со злом. Во-вторых, мог ли Бог вообще не творить материю, или иначе, почему зло появляется с необходимостью?

Для этого обратимся к происхождению первой материи в контексте всего эманационного процесса.

Плотин отчетливо осознавал трудности, связанные с самой возможностью Абсолюта быть порождающей причиной сущего. Парадокс состоит в том, что Абсолют по определению должен быть независим от всего, исключен из всех вещей, но при этом все остальные вещи должны от него зависеть, поскольку если они не будут от него зависимы, то окажутся в роли такого же Абсолюта, что невозможно [Месяц, 2004]. Этот парадокс можно, переформулировать: 1) если Единое от всего отстранено и никак не связано с миром, трансцендентно всему, то как оно может быть его причиной, ведь причина понятие относительное, причина – причина своих следствий; 2) если Единое все-таки порождает, то следствия должны возникать таким образом, чтобы никак не менять его «природу» производящего.

Плотин определяет природу Единого³ как δύναμις τῶν πάντων (III.8.10 1) сила всего или способность всего. Проблематичность этого определения широко обсуждалась в исследовательской литературе. Артур Армстронг считает, что оно переворачивает всю систему Плотина с ног на голову, по-

скольку видит в этом утверждении основание рассматривать «эволюцию из Единого чувственного мира как эволюцию от потенции к акту, переход к большей полноте сущего» [Armstrong, 1940. P. 62]. Джон Рист вслед за Артуром Армстронгом считает, что здесь в учении Плотина имеют место следы стоических представлений о семенных логосах [Rist, 1967. P. 74].

Тем не менее это определение не означает, что природа Единого изменчива, наоборот, оно помогает Плотину сохранить независимость Первоначала от своих следствий. Под возможностью (δύναμις) в данном случае Плотин понимает не способность изменяться под действием другого, которую можно назвать пассивной, а способность воздействовать на другое, которую можно определить как активную или совершенную способность. Это определение также не противоречит словам Плотина о том, что «все первое и есть сама действительность» (II.5.5 31–32). Если бы природа Первоначала была чистой энергией, как определял ее Аристотель, то она оказывалась бы зависимой от следствий, поскольку она не могла бы реализовать себя без них. Чтобы избежать этого затруднения, Плотин выделяет два типа действия (ἐνέργεια). Согласно Плотину, каждая совершенная природа, т. е. Единое, Ум и Душа, обладает двумя типами энергии: одна – внутреннее действие, реализующее саму сущность данной природы, другая – внешнее действие, происходящее уже из сущности, которое является *необходимым следствием* внутренней энергии сущности, будучи иным ей по природе. «У каждой природы одно есть действие его сущности, другое – действие, исходящее из сущности, действие сущности и есть каждая природа сама по себе, а действие, проистекающее от сущности, должно следовать по необходимости, будучи иным этой природе...» (V.4.2 27–28).

Внешняя энергия – это и есть совершенная способность. Определяя Единое как δύναμις τῶν πάντων, Плотин, с одной стороны, сохраняет трансцендентность Единого по отношению к своим следствиям, поскольку процесс порождения следствий никак не затрагивает его природу, а с другой – делает его причиной мира. «Единое есть начало всего. Тогда как остальное произошло от Первого?» (V.4.1 1). В строгом смысле слова Единое не творит сущее (ко-

³ В строгом смысле слова термин *природа* относится к нижестоящим ипостасям, произошедшим от Единого, поскольку под природой понимается нечто уже сложившееся определенным образом, а значит, к Единому этот термин не применим.

гда Плотин все-таки говорит о творении, то делает это в переносном смысле), самим своим присутствием оно предоставляет возможность иному быть, потому что оно само выше бытия. «Для того, чтобы сущее получило бытие, необходимо, чтобы Первоединый сам не был таким же существующим, а был Отцом сущего, сущее же было его первым рождением» (V.2.1 5–7, пер. В. Г. Малеванского) [Плотин, 1994. С. 27]. Единое позволяет быть, потому что оно *совершенно*, а «разве можно допустить, что от обладающего высочайшим совершенством существа ничто не рождается?» (V.1.6 36–38, пер. В. Г. Малеванского) [Там же. С. 17]. Единое позволяет быть, потому что оно *Благо*: а что иное может означать *быть благим*, как не творить благо? Единое творит, потому что оно сама полнота и даже *сверх полнота*: «будучи совершенным, поскольку оно ничего не ищет, и ничего не имеет, и ни в чем не нуждается, как бы переполняясь, и переполнение его создает иное» (V.2.1 7–9). Ни в чем не нуждаясь (совершенство), ничего не имея вовне себя (полнота), будучи самим Благом (какую цель оно могло бы преследовать?), не отдавая ничего вовне себя (простота), своим присутствием оно вызывает к жизни *иное* (ἄλλο), просто иное и ничего больше.

В этом смысле порожденное иное сначала выступает как бескачественный субстрат, или материя, которая, таким образом, присутствует и в Уме, и в Душе, и в космосе. Итак, высшая онтологическая ступень производит бескачественный субстрат, который затем получает оформление, становясь новой ипостасью. Оформление – не независимый от субстрата, не внешний по отношению к нему процесс; оформление – это присущая субстрату внутренняя энергия, обращенная на познание и уподобление своему истоку. Такую активность подлежащего Плотин называет *возвращением* (ἐπιστροφή): «все возникшее прежде появилось неоформленным и оформляется путем возвращения к тому, что его породило, как бы получая воспитание» (III.4.1 8–10). После того как завершилось оформление новой ипостаси, она начинает действовать вовне, создавая следующий субстрат, сама уже выступая как совершенная возможность.

Чем будет иное по отношению к сверхбытию? – *Бытием*. Чем будет иное по отношению к Единому? – Не единым, т. е.

многим, причем многим, причастным к единству, потому что иначе множество рассыпалось бы до небытия. Что означает эта причастность к единству? Возвращение многого к Единому, оформление многого. Чем будет многое, возвращающееся к единству? – *Числом*. «Это происшедшее от Первоединого иное к нему же устремляется и обращается и, наполняясь им, получает всю полноту бытия, а так как оно в то же время и себя созерцает, то это делает его Умом» (V.2.1 9–11, пер. В. Г. Малеванского) [Плотин, 1994. С. 27]. Бытие – это первое число, а число – *Ум*. Вот первая ипостась, происшедшая от Единого. Возвращаясь к Единому, Ум тем самым уподобляется ему, а значит, тоже начинает творить: «Подобно Первоединому, и Ум, преизбыточествуя силами, как бы изливает часть их и этим производит новое существо себе подобное» (V.2.1 13–15, пер. В. Г. Малеванского) [Там же]. Механизм происхождения ипостаси *Души* такой же: Ум, не выходя вовне, сохраняя свою полноту и совершенство, одним своим наличием творит иное себе, иное своей природе. Какова природа Ума? Это покоящаяся мысль, потому что Ум – это подлинное знание, полнота знания: «он имеет всё и есть всё, и пребывает с самим собой, понимая [себя]» (I.8.2 15–17). Тогда иное покоящейся мысли – это движущаяся мысль, то есть Душа, дискурсивное мышление. Но когда Душа творит чувственный космос, она действует не так, как Ум и Единое, потому что и Ум, и Единое, творя, пребывают в себе неподвижно и неизменно, а она уже не пребывает всецело в себе: «производя свой образ, она сама отдается движению» (V.2.1, 18–19, пер. В. Г. Малеванского) [Плотин, 1994. С. 28]. Одна часть Души остается обращенной к своему началу, от которого произошла, то есть к Уму, а другая часть «движется в противоположную сторону и производит некоторое подобие себя – природу животную и растительную» (V.2.1, 20–21, пер. В. Г. Малеванского) [Там же]. Самая слабая и самая низшая способность Мировой Души творит первую материю: «Она рождает всецело другое себе (πάντη ἕτερον αὐτῆς) поскольку после нее уже нет жизни, и то, что она порождает, неживое» (III.4.1 6–7). Материя чувственного мира уже не способна к возвращению, она не обладает внутренней энергией, а значит, лишена жизни, лишена подлинного бытия.

Душа, создавая иное себе, создает уже нечто неживое, бессильное ($\alpha\delta\upsilon\nu\alpha\mu\omicron\varsigma$) и бездеятельное, полностью лишённое мысли, а следовательно, и оформленности, т. е. нечто, являющееся уже не образом Души, а «*всецело другим ей*». Душа создает материю, которая оказывается уже не чем-то иным Благу, как субстраты всех предыдущих ипостасей, а прямой его противоположностью, находящейся на максимальном удалении от него, поэтому материя оказывается самым злом.

Бог творит материю полностью пассивной: она не приносит ничего вещам, не оказывает на них никакого воздействия, она даже не способна самостоятельно приобщить к себе что бы то ни было. Хотя Благо и порождает зло, оно не является причиной причастности других вещей ко злу, оно неповинно в том, что вещи стали дурными. Как пишет Плотин, Благо охватывает зло своими узами так, что ему некуда двинуться. «Ну а зло благодаря силе и природе Блага является не только злом. Раз уж оно появилось по необходимости, то, охваченное некими прекрасными оковами подобно закованному в золото узникам, оно прячется за ними, так чтобы его безобразие не было видно богам и люди могли бы не постоянно взирать на зло, но видя его, сталкивались бы с отражениями прекрасного, пробуждающими в них припоминание» (I.8.15 23–28). Отсюда видно, насколько ясно Плотин отдает себе отчет в том, что Благо порождает зло! Он не удивляется этому выводу и не считает его неправильным. Он просто говорит, что вследствие такого происхождения зло как бы со всех сторон окружено благом и даже *заковано* в него, а значит, как и находящиеся в цепях узники, лишено силы и не может никого приобщить к своему злу самостоятельно.

Поскольку ипостась Ума актуально бесконечна, мир форм неиссякаем, то именно в этом проявляется бесконечность и полнота силы Единого. Более того, Единое создает Ум таким, что и его сила бесконечна, поэтому Ум создает ипостась Души, также вмещающую бесконечность логосов, причем сам Ум от этого не умалется и не выходит вовне, т. е. не перестает созерцать Единое. Исхождение Единого должно продолжаться до полного онтологического отрицания себя, до последнего предела, тогда мы и получаем материю. Как раз способ-

ность дойти до полного отрицания себя, до создания своей полной противоположности, первой материи, и есть свидетельство сверхполноты и бесконечности силы Единого. Сила Блага оказывается таковой, что она не прекращает своего действия до тех пор, пока не дойдет до своего чистого предела – до зла самого по себе. Поэтому высшая благодать Блага – дать бытие даже своей полной противоположности – злу. Материя у Плотина и не может носить нейтральный характер; если бы она была нейтральной, то это означало бы для Плотина, что процесс исхождения Единого – Блага не завершен. Так что не верно полагать, что материя не является метафизическим злом, а только оказывается злом для воспринимающей ее души, как считают Кристиан Шэфер [Schäfer, 2004] и Джон Рист [Rist, 1961], скорее, наоборот: для Плотина материя является метафизическим злом, поскольку если материя не зло, то и Единое не Благо.

Можно ли утверждать, что материя-зло противостоит платиновскому Единому? Плотин говорит о зле как противоположности тому, запредельному Благу и наделяет его статусом начала: «природе Блага противоположна некая природа и начало зла» (I.8.6 32–33). Предвидя возможные возражения со стороны перипатетиков, Плотин сформулировал новую, отличную от аристотелевской, теорию противоположностей. Согласно Аристотелю, сущность не имеет противоположности, противоположности могут существовать только между характеристиками или атрибутами в границах одного рода или вида: «как противоположные друг другу определяются те вещи из одного и того же рода, которые больше всего отдалены друг от друга» (6а 15–20, пер. А. В. Кубицкого) [Аристотель, 1978]. Поэтому вопрос перипатетиков к платиновской теории зла мог бы быть таким: если зло – это противоположность Блага и «если благо – сущность, то как нечто может быть противоположно сущности или тому, что выше сущности?» (I.8.6 27–28). Плотин соглашается, что такое возражение было бы вполне состоятельным, если бы в качестве сущности мы полагали индивидуальные сущности, но для сущности вообще отсутствие противоположности тем самым еще не доказано. Значит, задача состоит в том, чтобы доказать сначала возможность существования противоположности для сущности в

целом, или для бытия, то есть для умопости-гаемой формы и Блага. Плотин повторяет определение Аристотеля: «противоположности суть то, что отстоит друг от друга на наибольшее расстояние», но предлагает существенное дополнение: «если другие вещи противоположны, принадлежат к одному виду или роду, т. е. имея нечто общее... то те вещи, которые существуют совершенно отдельно [друг от друга]... как же не будут противоположностями в наибольшей мере?» (I.8.6 16–41). Убрав из определения противоположностей необходимость общего субстрата (рода или вида), Плотин определяет противоположности через максимальное удаление друг от друга. Такое определение дает возможность говорить о противоположностях в отношении двух начал, сущностей, природ, потому что если «всё, что [содержится] в природе одного из этих двух [начал], [будет] противоположно [тому, что содержится в природе другого], то целые⁴ [должны считаться] противоположностями в большей мере, чем другие вещи» (I.8.6, 34–36). Исходя из этого определения, *бытие* и *небытие* являются противоположностями в собственном смысле слова, тогда как горячее и холодное могут называться противоположностями уже в меньшей мере, поскольку имеют нечто общее, субстрат, в отношении которого они будут приводящими признаками. Итак, если «сущности будут противоположны не сущности», то «природе Блага противоположна некая природа и начало зла» (I.8.6 32–33).

Учитывая вышеизложенные положения, кажется, что обвинение Плотина в дуализме оправдано и неизбежно.

Пусть зло противоположность Блага, но тогда в каком смысле мы называем Единое Благом, да и просто Единым? Отражает ли наше мышление, пользующееся парами противоположностей тождественное – иное, покой – движение, целое – части природу Абсолюта? Как говорит Плотин, все, что мы знаем о Начале, говорит скорее о нас самих, но не относится к его собственной природе. «Вообще, строго говоря, не следует называть и обозначать Первоединое так или ина-

че, ибо все, на что мы тут способны, – это только как бы кружиться около него и выражать лишь свои собственные чувства и мысли о нем...» (VI. 9.3 48–53, пер. В. Г. Малеванского) [Плотин, 1994. С. 131]. Тогда будет ли Единое Благом, взятое само по себе, без учета порожденных им следствий? Если Единое рассматривается независимо от сущего, то, согласно первой гипотезе платоновского *Парменида*, относительно него должны отрицаться всякие определения, в том числе и противоположные: единое – многое, целое – части, тождественное – отличное, благо – зло. Положительные определения приписываются только Единому, причастному сущему, значит, все, что говорится о Едином, говорится не о нем самом, а о том, каковым оно представляется своим следствиям. Для следствий, отличающих себя от Первоначала, но видящих в нем свой исток, оно не может быть ничем иным, помимо Единого – Блага, но в себе самом и для себя Абсолют не является ни Первоначалом, ни Благом, ни даже Единым. Все «имена» – Единое, Начало, Благо – относительны, потому что относятся к знанию следствий о себе и своем истоке, но для самих следствий они объективны, ведь иначе называть свой исток они не могут. Абсолют, рассматриваемый безотносительно следствий, не может быть назван ни Единым, ни Благом, ни Началом, а значит, ему ничто не может быть противоположено, в том числе и зло.

Список литературы

Аристотель. Категории // Аристотель. Соч.: В 4 т. Пер. с древнегреч. / Под ред. З. Н. Микеладзе. М.: Мысль, 1978. Т. 2.

Месяц С. В. Абсолют в античной философии // Историко-философский ежегодник за 2003. М.: Наука, 2004. С. 5–24.

Плотин. Избранные трактаты: В 2 т. Пер. с древнегреч. М., 1994.

Плотин. О нисхождении души в тела / Пер. М. А. Солоповой // Историко-философский ежегодник-95. М.: Наука, 1996. С. 204–219.

Armstrong A. H. The Architecture of Intel- ligible Universe in the Philosophy of Plotinus. Cambridge, 1940.

Plotini opera, Enneades / Eds. P. Henry, H.-R. Schwyzer. Leiden, Brill, 1951. Vol. 1; 1959. Vol. 2; 1973. Vol. 3.

⁴ Целые – это родовые понятия, но полученные не путем абстрагирования, а наоборот, включающие в себя все особенности составляющих их индивидов, наподобие того, как целое включает в себя свои части.

Rist J. M. Plotinus: The Road to Reality. Cambridge: Univ. Press, 1967.

Rist J. M. Plotinus on Matter and Evil // Phronesis. 1961. No. 6. P. 154–166.

Schäfer Ch. Matter in Plotinus' Normative Ontology // Phronesis. 2004. No. 3. P. 266–294.

Материал поступил в редколлегию 12.03.2012

N. P. Volkova

THE ORIGIN OF MATTER-EVIL IN PLOTINUS

Plotinus' assertion that the matter-evil was made by One (even if not a direct creation but still not an independent principle) from the very beginning gave rise to perplexity and criticism. Plotinus does not only provide for the possibility for the God to create evil but insists that it is necessary. So, it comes as no surprise that this doctrine was not accepted by such famous disciples and followers as Porphyry, Iamblichus and Proclus. In this article the author makes an attempt to show the consistent and non-contradictory nature of Plotinus' doctrine concerning the origin of the matter-evil.

Keywords: One, Good, evil, matter, other, different, necessity, looking towards.